

CATHERYNNNE M. VALENTE
DEATHLESS

КЭТРИН М. ВАЛЕНТЕ
БЕССМЕРТНЫЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
В15

Catherynne M. Valente
DEATHLESS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Владимир Беленкович*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В15 **Валенте, Кэтрин М.**
Бессмертный / Кэтрин М. Валенте.— Москва:
Издательство АСТ, 2018.— 479 с.— (Шедевры фэн-
тези).

ISBN 978-5-17-104950-8

Когда немецкие войска берут Ленинград в блокадное кольцо, голод и смерть проникают даже в мир мифов и древних преданий, в мир, который всегда считал себя далеким от истории. Мир, где здания растут из плоти, в Царстве Жизни бьют фонтаны из крови, птицы обращаются в прекрасных юношей, а комитет домовых управляет пространством. Мир, где идет война между Кошечем Бессмертным, Царем Жизни, и его родным братом, Царем Смерти, в которой главную роль самой судьбой отведено сыграть невесте Кощея, Марье Моревне. Только Марья еще не знает, что от страха и голода не скрыться даже в сказке, что приближается «не календарный, а Настоящий Двадцатый век», а реальность окажется страшнее любой вековечной борьбы.

© 2011 by Catherynne M. Valente
© Владимир Беленкович, перевод, 2017
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧАСТЬ 1

Длинный узкий дом

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...
Но мне недолго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

Анна Ахматова

ГЛАВА 1

Три жениха пришли на Гороховую

В этом городе у моря, что когда-то называли Санкт-Петербургом, потом Петроградом, потом Ленинградом, а потом, много позже, снова Санкт-Петербургом, на длинной узкой улице стоял длинный узкий дом. У длинного узкого окна сидела девочка в бледно-голубом платье и бледно-зеленых шлепанцах, поджидая птицу, которая женится на ней.

Любую другую девочку за такие мысли заперли бы в комнате до тех пор, пока она не выкинет эти бредни из головы, но Марья Моревна видала из окошка мужей всех своих сестер, перед тем как они стучались в большую дверь вишневого дерева. Так что собственная судьба была для нее такой же ясной, как луна на небе.

Первый пришел, когда Марье было только шесть, а ее сестра Ольга к тому времени уже выросла

высокой и прекрасной девушкой с золотистыми волосами, перевязанными сзади, как осенний сноп сена. День был влажный и серебристый, а длинные тонкие облака терлись о крышу ее дома и свертывались в аккуратные самокрутки. С верхнего этажа Марья видела, как птицы собираются в кронах дубов и ловко хватают на лету первые крохотные капли дождя. Все крылатые создания знают, что эти первые — самые сладкие, лопаются в клюве, словно виноградинки. Она рассмеялась, глядя, как грачи бьются из-за капель дождя, и вдруг — вся стая повернулась в ее сторону, глядя острыми, как иголки, глазами. Один из них, упитанный черный молодец, опасно наклонился на зеленой ветке и, не отводя взгляда от Марьиного окошка, вдруг свалился — бум, трах! — и грянулся оземь, но не разбился, а отскочил от земли, распрямился и оказался пригожим молодым человеком с большим горбатым носом, в красивой черной форме со сверкающими, как капли дождя, пуговицами.

Молодой человек постучал в большую дверь вишневого дерева. Мать Марьи Моревны, открыв дверь, смутилась под его взглядом.

— Я пришел за девушкой в окне, — сказал он отрывистым, но приятным голосом. — Я лейтенант Грач из личной гвардии царя. У меня много прекрасных домов с закромами, полными зерна, еще больше тучных полей, а нарядов у меня столько, что ей за всю жизнь не сносить, даже если будет менять

их по три раза на дню каждый день до конца своей жизни.

— Должно быть, ты говоришь об Ольге,— сказала мать Марьи, взволнованно коснувшись рукой шеи.— Она самая старшая и самая красивая из моих дочерей.

И вот привели Ольгу, она и вправду сидела у окна, но на первом этаже, что смотрело не на улицу, а в сад, полный опавших яблок. Она наполнилась видом прекрасного юноши в красивой черной форме, как мех вином, и целомудренно расцеловала его в обе щеки. Они вместе пошли вдоль по Гороховой, и он купил ей золотую шляпку с длинными черными перьями, заткнутыми за ленту.

Вечером, когда они вернулись, лейтенант Грач посмотрел в малиновые небеса и вздохнул:

— Это не та девушка из окошка. Но я буду любить ее так, будто это она, потому что знаю теперь, что девушка в окошке не для меня.

Так вот Ольга благополучно отправилась в поместье лейтенанта Грача, откуда писала сестрам домой длинные письма, в которых из глаголов строились зámки, а падежи расцветали, как ухоженные розы.

Второй жених пришел, когда Марье было девять. Ее сестра Татьяна была девушкой хитрой и рыжей, как лисица, с серыми глазами, от которых не могла укрыться ни одна стóящая вещь. Марья Моревна сидела у окна, вышивая подол крестильной рубашки для второго сына Ольги. Стояла весна,

утренний дождь умыл их длинную узкую улицу, и она засверкала мокрыми розовыми лепестками. С верхнего этажа Марья смотрела, как птицы снова собираются на большом дубе и ловко хватают клювами промокшие и набухшие соцветия вишни. Все крылатые создания знают, что эти — самые вкусные из всех соцветий, просто тают в клюве, как пирожные. Она рассмеялась, глядя, как зуйки дерутся из-за цветов, и вдруг вся стая повернулась в ее сторону, глядя острыми, как кончик ножа, глазами. Один из них, упитанный коричневый молодец, опасно наклонился на зеленой ветке и, не отводя взгляда от Марьиного окошка, вдруг свалился и — бум, трах! — грянулся оземь, но не разбился, а отскочил, распрямился и обернулся пригожим молодым человеком с приятным округлым ртом. Пуговицы его красивой коричневой формы с длинным белым шарфом сверкали на солнце.

Молодой человек постучал в большую дверь вишневого дерева, и мать Марьи Моревны, открыв дверь, улыбнулась ему.

— Я лейтенант Зуёк из Белой гвардии, — сказал он, поскольку времена уже изменились. — Я пришел за девушкой из окошка. У меня много прекрасных домов с садами, полными плодов, много прекрасных полей, полных червяков, а драгоценностей у меня больше, чем она сможет сносить, даже если будет менять кольца по три раза на дню каждый день до конца своей жизни.

— Ты, должно быть, говоришь о Татьяне,— сказала мать Марьи Моревны, прижимая руку к груди.— Она — вторая моя дочь, и теперь она самая красивая.

И вот к нему вышла Татьяна, она и вправду сидела у окна, но на первом этаже, что смотрело не на улицу, а в сад, полный яблонь в цвету. Она, как шелковый воздушный шар, наполнилась сияющим видом прекрасного молодого человека в красивой коричневой форме и поцеловала его — совсем не целомудренно, прямо в губы. Они пошли вдоль по Гороховой улице, и он купил ей белую шляпу с длинными перьями цвета каштана, заткнутыми за ленту.

Вечером, когда они вернулись, лейтенант Зуёк посмотрел в бирюзовые небеса и вздохнул:

— Это не та девушка в окошке. Но я буду любить ее, будто это она, потому что знаю теперь, что девушка в окошке не для меня.

И вот Татьяна счастливо убыла в имение лейтенанта Зуйка, откуда писала сестрам домой сложные письма, в которых глаголы ее танцевали квадратом, а падежи расстилались, как столы, накрытые для пира.

Третий муж пришел, когда Марье было 12. Ее третья сестра Анна превратилась в стройную и нежную, как олененок, девушку, которая краснела быстрее, чем пролетает тень. Марья Моревна сидела у своего окна, вышивая воротничок нарядного платья для первой дочери Татьяны. Стояла зима, и снег на

Гороховой улице ложился высокими и круглыми, как замерзшие курганы, сугробами. С верхнего этажа Марья смотрела, как птицы снова собираются на большом дубе, ловко щелкают клювами украденные у белок последние осенние орехи, что спрятаны в трещинах коры. Всякое крылатое существо знает, что из всех орехов они — самые горькие, горше вкуса прошлых невзгод, что надолго остаются на языке. Она рассмеялась, глядя, как жуланы ссорятся из-за желудей, как вдруг вся стая повернулась в ее сторону, глядя глазами острыми, как наконечник штыка. Один из них, статный серый молодец с красной отметиной на боку, перегнулся опасно на ветке, покрытой зеленой корой, и, не отводя взгляда от окна Марьи, вдруг свалился и — бум, трах! — грянулся оземь, но не разбился, а отскочил, распрямился и обернулся пригожим молодым человеком с узкими, по-озорному умными глазами, в красивой серой форме, с длинным красным шарфом и пуговицами, сверкающими, как уличные фонари.

Молодой человек постучал в большую вишневую дверь, и мать Марьи Моревны, открыв дверь, нахмурилась под его взглядом.

— Я лейтенант Красной армии Жулан, — сказал он, — ведь мир изменился настолько, что принялся воевать сам с собой, не в силах решить, как он хочет выглядеть. Я пришел за девушкой в окошке. У меня много прекрасных домов, которые принадлежат мне и моим товарищам, много прекрасных

рек, полных рыбы, которые принадлежат всякому, у кого есть сеть, и у меня есть больше добрых книг, чем она сможет прочитать, даже если будет читать по три книги в день каждый день до конца своей жизни.

— Ты, должно быть, имеешь в виду Анну,— сказала мать Марьи, крепко подбоченившись.— Она моя третья дочь, и теперь она самая прекрасная.

И вот к нему вышла Анна, она и вправду сидела у окна на первом этаже, и смотрело оно в сад, полный голых веток, а не на улицу. Она, словно ведро водой, наполнилась милым видом своего прекрасного жениха в приятной серой форме и, ужасно стесняясь, позволила ему поцеловать руку. Они пошли вдоль по улице, которую по-новому называли Комиссарской, и он купил ей простую зеленую кепку с красной звездой на околыше.

Вечером, когда они вернулись, лейтенант Жулан посмотрел в черные небеса и вздохнул:

— Это не та девушка в окошке, но я буду любить ее так, будто это она, потому что теперь я знаю, что девушка в окошке не для меня.

И вот Анна послушно убыла в имение лейтенанта Жулана и писала домой сестрам письма с правильными словами, в которых глаголы были справедливо распределены между существительными, а падежи не просили больше, чем им требовалось.

ГЛАВА 2

Красный галстук

В этом городе у моря, который теперь уже называли Петроградом и никак иначе, и даже под страхом наказания не вспоминали, что когда-то он был Санкт-Петербургом, в том длинном узком доме на длинной узкой улице Марья Моревна сидела у окна и вязала жакетик для первого сына Анны. Ей исполнилось пятнадцать лет, пятнадцать дней и пятнадцать часов, она была четвертой дочерью и по возрасту и по красоте. Она терпеливо ждала, когда птицы соберутся в летних деревьях, ждала, когда они устроят драку из-за спелых алых вишен, а одна из них перегнется вперед с ветки, да так далеко, что... — но птицы все не прилетали, и она уже начала беспокоиться.

Она перестала заплетать свои длинные черные волосы в косу. Она бродила по дощатым полам дома на Гороховой улице босой, чтобы сберечь свои единственные башмаки для длинной дороги в

школу. Марья, словно дитя вдовой матери, что снова вышла замуж, никак не могла запомнить новое имя для улицы, которую все свое детство она знала как Гороховую. Теперь в доме жили и другие семьи, поскольку ни одна крыша над головой, тем более такая прекрасная, как эта, не должна больше эгоистично принадлежать только одной семье.

Это неприлично, согласился отец Марьи.

Так, конечно, будет лучше, кивнула мать Марьи.

Двенадцать матерей и двенадцать отцов, каждые с четырьмя детьми, были упакованы в длинный узкий дом со старыми серебряно-синими портьерами, развешанными по центру каждой комнаты, чтобы получился лабиринт из двенадцати столовых, двенадцати гостиных, двенадцати спален. Можно сказать — да так оно и было, — что у Марьи появилось двенадцать матерей и двенадцать отцов, как и у всех детей в этом длинном узком доме. И все матери Марьи смеялись над ней, считая ее бестолковой. Всех отцов беспокоили ее буйные распущенные волосы. Все их дети воровали ее бисквиты с общего стола. Они не любили ее, а она не любила их. Они жили в ее доме, с ее мебелью, и, хотя делиться считалось добрым делом, ее пустой желудок не ходил на уличные демонстрации и не понимал своего патриотического долга. Если они считают ее бестолковой, если считают, что она немного не в себе, пускай, только бы оставили в покое. Марья не была бестолковой — она просто думала.

